

Что может быть важнее, чем видеть его улыбку, сияющую, как весенний ветер?

Есть. Но что это? Он не мог объяснить. Он знал только, что ради этой мучительной маскировки он готов потерять всё, лишь бы один человек был в безопасности, и этот человек — его сестра, за которую он готов отдать всё.

Словно потеряв душу, он внезапно очнулся и понял, что уже находится в своей комнате. Шангуань Минло вздохнул, чувствуя себя в крайне затруднительном положении. Этот выбор был поистине труднее, чем то решение, которое он принял, когда Шангуань Минчжу и господин Чжан сбежали, и он решил заменить сестру и выйти замуж.

Нарушить слово перед ней — обрести спокойствие, но потерять частичку себя.

Нарушить слово перед ним — получить романтику, но обречь себя на ещё большие трудности.

Но он не мог разрушить его наивность, его веру в себя. Однако, нарушив слово перед второй невесткой и устроив себе романтический вечер с Су Сяюем, он создаст проблемы для них обоих в будущем, а возможно, из-за своего разоблачения, подвергнет Су Сяюя смертельной опасности.

Если же он нарушит слово перед Су Сяюем, то просто проведёт неприятный вечер со второй невесткой, а потом объяснится с разочарованным Су Сяюем, и тот, скорее всего, поймёт его выбор.

Иногда людям приходится причинять боль тем, кто их любит, потому что они знают, что самые любящие их люди, как бы сильно их ни ранили, всё равно не смогут не простить.

Приняв наконец решение, Шангуань Минло не стал переодеваться в мужскую одежду и не сменил наряд. В том же, в чём был сегодня, он с видом воина, идущего на битву, отправился ко второй невестке.

Вторая невестка уже была готова. Её обычный величественный и несколько роскошный наряд молодой госпожи сменился на скромный, но изящный образ, который делал её похожей на простую девушку и приятно удивлял. В таком виде вторая невестка не казалась коварной женщиной.

Она хотела, чтобы Шангуань Минло переоделся в мужское, но потом подумала, что если на празднике фонарей кто-нибудь увидит старшего молодого господина семьи Шангуань гуляющим со второй молодой госпожой семьи Су, то пойдут сплетни, и это будет неприлично.

А вот Шангуань Минчжу — другое дело. Чем чаще они будут появляться вместе в разных местах, тем лучше для неё. А Шангуань Минло, если он умён, придётся терпеть, променяв своё унижение на честь своей сестры.

Вторая невестка не взяла с собой Чжу'эр, и Шангуань Минло не взял Цинтань. Они вдвоём отправились на праздник фонарей.

На празднике вторая невестка, как маленькая девочка, держала Шангуань Минло под руку, то спрашивая, красив ли этот фонарь, то интересуясь, какой ему нравится, чтобы купить его.

Шангуань Минло всё время молчал. Каждая минута со второй невесткой была для него мукой, и у него не было настроения любоваться прекрасными фонарями.

Но вторая невестка, не обращая внимания на его терзания, начала скупать все понравившиеся ей фонари, несколько взяла себе, несколько дала Шангуань Минло. Если бы Шангуань Минло не был в женской одежде, и если бы вторая невестка не была замужем за членом семьи Су, кто-нибудь мог бы подумать, что они — любящая пара.

А в это время, с наступлением ночи, улицы заполнились фонарями. Если бы нужно было описать это одним словом, то это был бы «рай на земле». Без таинственного тумана, без парящих в белых одеждах бессмертных — именно эти прекрасные фонари позволяли жителям города Танси ощутить себя в земном раю из света.

Но Су Сяоюй не был так весел, как обычно, любуясь фонарями и не пытался выхватить несколько, чтобы отнести в Павильон Пьянящего Аромата для Юнь'эр. Сейчас он просто скусающе расхаживал по улице, то заглядывая внутрь, то выглядывая наружу. От скуки и одиночества он бродил среди толпы, перебрасываясь парой слов со знакомыми.

На самом деле, в душе он был очень напряжён, совсем не так беззаботен, как казалось со стороны. Иногда он бормотал себе под нос: «Он обязательно придёт...»

— Улыбнись, а то люди подумают, что я тебя обижаю! — прошептала вторая невестка на ухо Шангуань Минло. — Будь веселее, иначе зачем было так унижаться!

Шангуань Минло слегка нахмурился:

— Не жди, что я буду улыбаться. Я не могу!

— Ты же так хорошо притворяешься! Если бы я не была такой умной и не раскрыла твой секрет, даже я бы поверила, что ты — Шангуань Минчжу! Почему же сейчас не можешь притвориться? Улыбнуться очень просто. Просто представь, что я — это Су Сяоюй, и ты улыбнёшься! — равнодушно сказала вторая невестка.

Шангуань Минло низким голосом произнёс:

— Ты хочешь посмотреть на фонари или поиздеваться надо мной?

— Не будь таким мелочным! — Вторая невестка оглянулась и сказала: — Смотри, все пускают речные фонарики, пойдём и мы!

Неважно, согласен был Шангуань Минло или нет, вторая невестка потащила его к реке.

Загадав желание и написав его на бумажке, её кладут в фитиль речного фонарика и пускают по течению в неизвестность. Говорят, если фонарик не перевернётся и не погаснет, желание сбудется.

Вторая невестка с нетерпением написала своё желание на бумажке и помахала ею перед глазами Шангуань Минло:

— Хочешь знать, что я загадала?

Шангуань Минло отвернулся:

— Мне неинтересно!

Вторая невестка не рассердилась и не стала заставлять его смотреть. Она сама сложила бумажку, подошла к реке, зажгла фонарик и пустила его по воде. Но мысли Шангуань Минло

были уже далеко.

Вторая невестка с радостью наблюдала, как её фонарик благополучно уплывает вдаль. Взяв Шангуань Минло за руку, она снова протиснулась в толпу, чтобы посмотреть на фейерверки, расцветающие в небе. Яркие, ослепительные, они вспыхивали на мгновение и тут же исчезали. Кто-то радовался, а кто-то грустил.

Когда зажгли самый большой фейерверк, который в городе Танси всегда оставляли на самый захватывающий момент, все затаили дыхание в ожидании ежегодного сюрприза.

Когда фейерверк расцвёл, в нём можно было увидеть две человеческие фигуры — Пастуха и Ткачиху. Когда Млечный путь, взорвавшийся между ними, рассеялся, они обнялись. В этот момент все влюблённые и супружеские пары в городе Танси обнимались, словно совершая ритуал, молясь о том, чтобы каждая пара, увидевшая объятия Пастуха и Ткачихи, прожила вместе до старости.

Шангуань Минло, конечно, знал об этом обычае. Глядя на объятия Пастуха и Ткачихи, он, к своему удивлению, подумал о Су Сяюе. Но в глубине души он понимал, что в этом нет ничего удивительного. Язык может обманывать себя, но сердце — нет.

Он почувствовал, как кто-то обнял его, и услышал у уха шёпот:

— Я люблю тебя!

Опустив голову, он увидел вторую невестку. Посторонние могли бы подумать, что это проявление сестринской любви, но тело Шангуань Минло застыло.

— Мне интересно, о ком ты сейчас думаешь, о Су Сяюе? — с усмешкой спросила вторая невестка.

Шангуань Минло низким голосом ответил:

— Не надо постоянно упоминать Су Сяюя. Мы оба мужчины, мы не можем любить друг друга. Не думай, что твои домыслы могут добавить нам ещё один грех!

— Ты сейчас со мной на празднике фонарей, смотришь на фейерверки, загадываешь желания у реки. А где Су Сяюй? Может быть, он один ждёт тебя в комнате, или грустит где-то в уголке этого праздника, а может, обнимает красивых девушек. Как ты думаешь, какой из вариантов верный?

— Это меня не касается!

— Давай-ка мы с тобой поищем Су Сяюя, может, и встретим его. Тогда и узнаем ответ!

Хозяин ларька с фонарями смотрел, как Су Сяюй уже больше часа стоит перед его прилавком, и за это время он не продал ни одного фонаря. Он с трепетом сказал:

— Су... молодой господин Су... вы покупаете фонарь? Видите ли... вы тут стоите, и клиенты боятся подходить...

Су Сяюй и так чувствовал себя подавленно. Он изо всех сил старался сдерживать свои эмоции, но когда его так осторожно упрекнул хозяин ларька, гнев взвырал. Он схватил фонарь и швырнул его в лицо хозяину:

— Ещё раз меня побеспокоишь, я и тебя разобью!

Хозяин не смел ничего сказать, не смел на него смотреть, только молча поднял разбитый фонарь.

Но когда Су Сяюй выплеснул свой гнев и увидел смирение хозяина, он вдруг почувствовал укол совести.

«Су Сяюй, ты всегда будешь бездельником, неисправимым негодяем, который только и умеет, что обижать других. Шангуань Минло, увидев меня таким, наверняка бы так и сказал».

Он тихо вздохнул, достал несколько слитков серебра и бросил их перед хозяином:

— Этого хватит, чтобы купить все фонари на твоём прилавке, да?

Хозяин испугался и не смел взять серебро, весь дрожа.

Су Сяюй с досадой улыбнулся:

— Бери серебро и иди. Твоя жена, наверное, ждёт тебя дома! Иди к ней, одному ведь так одиноко, так тяжело!

Он говорил без умолку, и в конце уже сам не понимал, что говорит.

Хозяин тем более ничего не понял, но всё же догадался, в чём дело. Он не осмелился ничего сказать, только осторожно произнёс:

— Если тебя кто-то ждёт, то не так уж и одиноко!

Су Сяюй сказал:

— Но жду-то я!

Тот человек догадался, что Су Сяюй, должно быть, поссорился с Шангуань Минчжу, и сказал:

— Молодой господин Су, на самом деле, когда ты думаешь о ком-то, это даже счастливее, чем быть вместе. Когда вы думаете друг о друге, где бы вы ни были, вы не будете чувствовать себя одиноко. Моя жена каждый год ходила со мной продавать фонари, но в этом году она не смогла пойти, потому что ухаживает за нашим новорождённым ребёнком. Но она будет ждать меня дома. Она говорила, что для жены самый счастливый момент — это не когда муж шепчет ей на ухо сладкие слова, а когда он возвращается домой после того, как зарабатывал деньги для семьи. И я тоже с нетерпением жду, чтобы продать побольше фонарей, купить много хороших вещей и принести ей! Видеть её улыбку — это и для меня самое большое счастье! Супруги, жизнь... конечно, самый счастливый момент — это тот, который наступает после долгого ожидания!

Су Сяюй, на удивление, не счёл, что тот болтает слишком много. Когда хозяин, взяв серебро, ушёл, он задумался.

В храме было много желающих получить предсказание. Это была уже последняя ночная партия. Вторая невестка и Шангуань Минло обошли все места, и последним пунктом, естественно, был этот храм, где скоро должны были закончиться гадания.

Шангуань Минло остановился у входа:

— Я не верю в предсказания. Я подожду тебя у входа!

Вторая невестка не стала его заставлять, только с улыбкой похлопала по плечу:

— Я попрошу предсказание для тебя. Подожди меня, и ты узнаешь, в чьих руках твоя судьба!

Сказав это, она вошла внутрь.

Шангуань Минло наконец вздохнул с облегчением, давление немного спало. В этот момент его сердце, хоть и успокоилось, ощущало пустоту, невиданную доселе пустоту.

Он видел, как из храма выходят влюблённые пары, обнявшись, и как выходят одинокие мужчины и женщины с тоской и грустью в глазах.

Он увидел напротив, под красным фонарём, одинокого мужчину, который сидел и смотрел в землю. Возможно, он так и не дождался своей возлюбленной. Вдруг он подумал о Су Сяюе. Может, и он, как этот человек, всё ещё ждёт его?

Ночной ветер был таким холодным. Толпа постепенно расходилась, оставляя за собой запустение. Фейерверки догорели, оставив лишь невидимую пыль, разносимую ветром по всем уголкам.

Неужели в его сердце ещё теплится последняя надежда этой ночи?

Когда вторая невестка вышла из храма, Шангуань Минло уже нигде не было. Она не стала его искать, потому что знала, куда он пошёл и почему ушёл.

Она в гневе бросила предсказание, и жёлтая бумажка полетела по ветру. На ней было написано: «Возвращаю тебе жемчужину с двойными слезами, жаль, что не встретились до замужества».

Су Сяюй видел, как толпа постепенно расходится, как убирают фонари. Яркий рынок потемнел.

Одинокая фигура Су Сяюя скучающе ходила от одного конца улицы до другого и обратно. Сколько раз? Он уже не помнил.

Говорят, в самый отчаянный момент нужно верить в надежду, чтобы найти выход.

Так же, как когда ждёшь того, кто не придёт, нужно держаться за последнюю надежду, чтобы не было так холодно.

И когда Су Сяюй в очередной раз прошёл от одного конца улицы до другого, он увидел стоящего невдалеке Шангуань Минло в женской одежде.

Он словно забыл все обиды и взволнованно подбежал:

— Ты наконец-то пришёл? Я знал, что ты не нарушишь своего слова! Наверное, вторая невестка тебя задержала, и ты не мог уйти!

Шангуань Минло вдруг почувствовал облегчение и в то же время вину. Он с улыбкой кивнул:

— Я не хочу тебя обманывать, на самом деле...

— Главное, что ты пришёл, я могу ждать сколько угодно! — улыбнулся Су Сяюй. — Жена-наставница, смотри, я купил все фонари на этой улице, не хотел, чтобы к твоему приходу не осталось ни одного!

— Но людей уже нет, остались только эти фонари. Какой смысл в этом празднике?

— Когда ты пришёл, на фонари уже и смотреть не хочется!

Шангуань Минло мягко сказал:

— Су Сяюй, что бы ты ещё хотел сделать? Я сделаю это с тобой!

Су Сяюй воскликнул:

— Ты правда сделаешь со мной всё, что я захочу?

— Я проиграл тебе в споре, обещал пойти с тобой на праздник фонарей. Но праздник закончился, а я только пришёл. Считаю, что я нарушил слово. Я могу пообещать тебе ещё одну вещь! Что бы это ни было, если я смогу это сделать!

Су Сяюй подошёл и осторожно взял Шангуань Минло за руку:

— Тогда... погуляй со мной до рассвета! А потом мы пойдём на старое место, смотреть на восход!

Шангуань Минло никогда не знал, каково это — гулять с кем-то до рассвета, каково это — смотреть на восход с женщиной, и каково это — гулять с Су Сяюем до рассвета, чтобы посмотреть на восход...

«Я уже разочаровал тебя один раз, как я могу отказать тебе во второй?» Без сомнения, Шангуань Минло согласился.

Может быть, из-за чувства вины, а может, из-за других чувств, Шангуань Минло так и не отпустил его руку. Может, он привык, а может, ему было тепло. Держать за руку женщину, он больше не чувствовал себя неловко.

Они ходили от одного конца улицы до другого, обошли все улочки и переулки города Танси, слушая, как Су Сяюй без умолку рассказывает о своих детских проказах. Когда уже светало, они пошли на старое место и посмотрели на завораживающий восход.

«Шангуань Минло, если бы ты не думал обо мне, ты бы, наверное, не пришёл.

Я наконец понял, что имел в виду тот хозяин ларька, говоря об ожидании. Когда ты появился передо мной, я почувствовал, что сколько бы я ни ждал, это того стоило, это было счастье.

По крайней мере, я проиграл не так уж и сокрушительно, а ты дал мне шанс заглянуть в твою душу».